

Четыре ярких красно-коричневых домика вынырнули из-за поворота, словно ниоткуда. Как на детском рисунке: серое сентябрьское небо, серое море, серый край берега – и яркие домики с белыми рамами, нависшие над водой. У развилки на столбе был приколот неровно обрезанный кусок фанеры с надписью, тоже красно-коричневой: «Добро пожаловать на нашу рыбацкую базу! Уютные коттеджи в аренду, лодки и снасти напрокат. Мы вам рады! Гуннар и Лили Юхансен».

Ивар свернул к домикам. Машина мягко просела, съехав с асфальта на размытую постоянными ливнями грунтовку. Он как раз собирался провести ближайшие два дня в каком-нибудь глухом месте, не бронируя ничего заранее, а вот так, наскоком, – почему бы и не спросить здешних хозяев? Вроде не пик сезона, может, и найдётся свободный домик. А если здесь все занято – наверняка хозяева знают все места для ночёвки в округе.

Чуть в стороне от домиков стояла небольшая деревянная постройка, выкрашенная, как и всё тут, в красный с коричневым оттенком. Ивар притормозил возле неё и не ошибся: дверь, несмотря на дождь, была приоткрыта, внутри горел свет.

Он остановился на пороге. Изнутри пахло деревом и краской. Чуть в стороне от входа была почти настоящая гостиничная стойка, рядом лежало несколько свежеструганных досок, а у окна на стремянке стояла женщина с маленьким ведёрком и кисточкой и подкрашивала раму, тихонько напевая.

У неё был негромкий слабенький голос, но удивительно чистый слух.

– Эй, привет, – окликнул её Ивар. – А есть ли у вас свободный домик на пару дней?

– Целых два, – отозвалась женщина и, обернувшись к нему, легко спрыгнула со стремянки. – Привет. Смотри, свободен один домик с двумя спальнями, и один – с одной. Вас сколько всего?

– Я один.

– Постельное бельё нужно? Лодка, завтрак? – она проскользнула за стойку и, быстро наклонившись, достала откуда-то снизу толстую потрёпанную тетрадь. – И, кстати, если будешь брать лодку и уйдёшь в море – оставь мне имя, фамилию и номер телефона.

– Ивар Хольман. Телефон запишешь?

– Да, конечно. А я – Лили, – хозяйка раскрыла тетрадь, взяла карандаш и что-то быстро записала. Ивар заметил краем глаза, что правая рука у неё едва гнётся, но это ничуть не мешало Лили делать пометки в толстой тетради.

– Так что с лодкой, бельём и завтраком? Лодки все одинаковые – девятнадцать футов, сорок сил.

– Всё надо, да. Завтрак ты здесь накрываешь?

– Да, внизу, – Лили снова быстро черкнула что-то в тетрадке. – А снасти?

– Снасти не нужны.

– Хорошо. Двое суток, домик с одной спальней, бельё на одного, завтраки, лодка? Три тысячи шестьсот девяносто крон. У тебя карта или наличные? Бензин отдельно, заплатишь, когда будешь уезжать. Пойдём, покажу тебе дом, – она сняла со стены ключи и, выпорхнув из-за стойки, направилась к двери. Ивар двинулся следом.

– Вон тот домик, у самой пристани. Вот, – связка ключей тихо звякнула у неё в руках. – Свет здесь включается. В гостиной камин. Дрова внизу, под крыльцом, бери сколько хочешь. Немного сыроваты, будут трещать, но уж какие есть. В спальне – электрическая батарея. В ванной – тёплый пол, включается здесь же, у входа. Ключ я оставлю на столе, бельё сейчас принесу, забыла сразу взять. Машину можешь сюда подогнать, а можешь оставить как есть.

– Спасибо. Завтрак во сколько?

– Ты шутишь, что ли? – удивилась Лили. Она качнула головой, лёгкие тёмные пряди у лица всколыхнулись. – У нас не отель, слава богу. Когда проснёшься – тогда и приходи, я накрою. Лодку тебе завтра Гуннар даст – он почти всё время торчит в сарае у пристани.

– Ага, спасибо.

Ивар вышел из домика, подогнал машину к самому крыльцу и направился к морю. У причала было пусто. Вдали, в море, не светилось почти ни одного огонька, только едва заметный маяк чуть в стороне. Да ещё за спиной горели окна в хозяйской постройке и в двух занятых

рыбачьих домиков. Как раз то, что надо.

Непослушные звуки, несколько дней преследовавшие его, наконец сложились в чистую и чёткую мелодию. У Ивара не было привычки все время таскать с собой нотную тетрадь. Он мог бы напеть мелодию в диктофон, но мобильный вместе с ключами остался на столе в домике, и возвращаться совершенно не хотелось, да и не надо было – он знал, что не забудет. Потом, когда руки дойдут, запишет. Никуда эта музыка от него не денется.

Ему казалось, что седьмой час утра – слишком рано, но Лили с тряпкой в руках уже, напевая, надраивала крыльцо.

– Привет, – окликнул он её.

– Привет, – хозяйка обернулась и заулыбалась в ответ. – Сейчас, полминутки, хорошо?

– Конечно. Я пока дойду до пристани.

У лодочного причала было шумно – если, конечно, в этом месте вообще могло быть шумно. Рыбаки из двух соседних домиков отправлялись в море. Между собой они говорили по-немецки, а с хозяином – высоченным рыжим бородачом, удившим с причала – по-английски. Ивар пригляделся к плечистому великану. Два с лишним метра, никак не меньше. Интересно, как смотрится рядом с ним невысокая хрупкая Лили?

– Лодку? – через плечо, не оборачиваясь к нему, откликнулся бородач. – Сейчас... сейчас...

Он увлеченно накручивал катушку, вытягивая леску.

– Рыба! Рыба, мать её! – воскликнул хозяин, взмахнув спиннингом. Леска взметнулась вверх, в воздухе блеснул серебристый бок, и крупная рыбина плюхнулась на дощатый причал, под ноги бородачу.

– Макрель! – провозгласил рыжий.

Наклонившись, он взял рыбацкий нож, лежавший тут же, на досках, и одним взмахом почти отсёк трепещущей макрели голову.

– Отличный нож, – прокомментировал рыжий великан. – Лили подарила. Вот тут, на клинке, даже гравировка – Гуннару. Гуннар – это я, – представился он, обернувшись наконец к гостю. – Тебе лодку?

– Да.

– Снасти, эхолот?

– Нет, не надо, спасибо.

– А как ты рыбачить собираешься? – удивился Гуннар.

– А никак, я просто в море.

– Зачем? – хозяин недоверчиво покосился. – Ладно, твоё дело.

Вон, видишь, лодка с номером четыре причалена? Возьмешь её. Бак полный, будешь уезжать – доплатишь.

– Хорошо, – Ивар снова направился к хозяйскому дому. Дверь была распахнута. Он уже понял, что в теплую погоду здесь, похоже, её не запирают. Лили накрывала на стол, мурлыча себе под нос, но, услышав его шаги, замолчала, словно смутившись.

– Садись, – улыбнулась она. – Чай, кофе, что тебе?

– Кофе.

– Сладкий и с молоком?

– Да. А ты откуда знаешь?

– Не знаю, – засмеялась она. – Нет, ну ты шутишь, что ли? Ну не чёрный же тебе, ну?

Жаль, что у него так мало времени. Только эти два дня. Ранняя осень, любимая погода – ещё теплая, но уже по-осеннему тревожная. Серое небо и серое море. Лёгкая быстрая лодка и напрочь забытый в домике мобильный. Час на машине до ближайшего города. В четверг он доедет до порта, поставит машину на паром – и еще три дня будет плыть и ни о чем не думать. А пока – осенний ветер, сладкий кофе с молоком и забытые богом рыбацкие коттеджи, хозяин – рыжеволосый викинг, хозяйка с лёгкой лучистой улыбкой.

Вчерашняя тема вдруг словно сама по себе обросла аранжировкой, и Ивар знал, что именно так – единственно верно и правильно. Иногда он изводился, находил несколько вариантов, которые то казались жутко бездарными, то начинали ему нравиться, и он никак не мог выбрать, и знал, что если никак не выбрать, значит, правильного варианта нет. А иногда, как сейчас, с ходу чувствовал, что должно быть именно так. Жаль, что такое вот «с ходу» бывало крайне редко. Ну что ж, тем интереснее.

Лили, не спрашивая, подлила ещё кофе и чуть подвинула ему большую банку с вареньем – он как раз собирался попросить об этом. Ивар повернулся поблагодарить, хоть кивком, но она уже отпорхнула в сторону, зазвенела ножами и вилками, загружая посудомойку, и он не стал её окликать.

Он двинулся к пристани, отвязал лодку и направился в сторону от берега – к небольшому островку, таявшему на самом горизонте. Мелькнула мысль, что надо бы всё-таки взять с собой телефон, но Ивар её отогнал. Возвращаться совсем не хотелось, да и что может случиться рядом с берегом? Он было развернул лодку, всё-таки правила есть правила, но потом, плюнув, снова направился к острову – иногда он сам себя не понимал, хотя кто вообще его понимал? Ивар усмехнулся, вспарывая волну носом лодки. Родители? Это да, почти всегда и безоговорочно. Друзья? Время от времени, чаще – наверное, нет. Студентка казанского музыкального училища Лейлагуль Алымова, сыгравшая лет двадцать назад на одном из конкурсов его сонату так, что у Ивара мурашки шли по спине, когда он слушал запись, и становилось

неловко – откуда она это про него может знать? Ивар тогда даже пытался разыскать эту студентку, но не получилось. Как можно было без интернета найти человека в закрытой от всего мира стране? А потом, много лет спустя, несколько раз забивал в поисковиках её имя. Безрезультатно.

Кто ещё всегда был на его стороне? Музыка? Вот музыка всегда понимала. Не всегда шла в руки, иногда капризничала, дразнила, ускользала, – но в конце концов сдавалась. Почти всегда.

Ивар разогнал моторку, насколько хватило мощности, и несколько раз вильнул из стороны в сторону – грубо, рискованно, на грани переворота. Ледяная вода плеснула в лицо. Отлично. Можно возвращаться.

Нина Косман. Марс.
Холст, акрил, 13X18.

– Ты в своём уме? – из телефонной трубки голос Гуннара Юхансена звучал даже жёстче обычного. – У нас тут конец ноября.

– У нас тут тоже, – усмехнулся Ивар.

– Дождь, шторм, темнота, – продолжал Гуннар. – Ветер. Нет, не просто ветер, а наш северный ветер. Погода такая, что, может, и не получится выйти в море.

– Ничего, на пристани постою.

– Ты вообще откуда звонишь?

– Из Осло.

– Выйди на Акер-Брюгге и стой, сколько влезет. Ладно, я предупредил, чтоб потом без претензий. У нас все дома свободны, выбирай любой. Семьсот крон за ночь, это с бельём и завтраком. Практически даром. Мне проще закрыть эту чёртову базу к едрене фене.

– Отлично. Две ночи, начиная с завтрашней. И я без машины,

заберешь меня в аэропорту? Рейс я скажу.

– Можно подумать, к нам из Осло куча рейсов летает, – хмыкнул Гуннар на другом конце провода. – Он один и есть, и то не каждый день. Завтра встречу, хорошо. Ещё тысяча сто. В одну сторону.

Рыжий Гуннар всю дорогу молчал, зато Лили встретила, как обычно. Вышла на порог дома, заслышав машину, кивнула Гуннару – возле него она казалась фарфоровой статуэткой – и засветилась, заулыбалась.

– Херр Хольман, – хозяйка опустила голову, пряча улыбку, но чёрные глаза всё равно искрились. – Привет.

– Ивар, – поправил он её. – Ещё не хватало! Привет.

– Так вот для кого ты просил протопить крайний дом, – Лили повернулась к Гуннару. – Хоть бы сказал! – бросила она и тут же, смутившись, добавила: – Постоянным гостям мы всегда рады.

– Дешевле всё-таки закрыться на зиму, – Гуннар кинул на стол ключи от машины и направился к выходу.

– Не обращай внимания, – Лили попыталась как-то сгладить слова мужа, но у неё это не получилось. – Кстати, я считала, нам ничуть не дешевле закрыться. По большому счету, один чёрт. Но если до весны совсем никто не будет приезжать – я скину, а Гуннар одичает, – она положила на стойку ключ и пакет с постельным бельём. – Помнишь свой домик?

– Конечно.

– Тогда держи, – Лили пододвинула ему пакет. – Доброй ночи!

– Доброй ночи.

Домик действительно был заранее протоплен. Ивар кинул свёрток с бельём на постель. Не разбирая, затолкнул в холодильник пакет с купленными по пути продуктами. Вышел на улицу. Холодный рваный ветер с моря, непроглядная темнота, светящиеся за спиной окна хозяйского дома, тусклый огонёк маяка впереди. Можно было бесконечно стоять у пристани и просто смотреть на всё это, ни о чем не думая. Ивар так и стоял, сам уже не знал, сколько, пока не начал совсем леденеть. Все-таки его привычная осенняя куртка мало подходила для семидесятого градуса северной широты. Уходить не хотелось. От этого моря и тусклого маяка вдали невозможно было оторваться. Он поднял воротник куртки, застегнул молнию до самого верха и обернулся на еле слышный звук сзади – но за спиной никого не оказалось, только рядом, на камне, лежал большой светлый предмет, которого здесь не было ещё минуту назад. Ивар шагнул чуть ближе, предмет оказался свёрнутой оленьей шкурой. Он закутался в шкуру, набросив её прямо поверх куртки. Мягкий светлый мех легко скользнул по щеке. Удивительное здесь всё-таки место, завораживающее. Ивар бы долго смеялся, если б

ему скажи про вдохновение – чужь собачья это вдохновение, поди его поймай. Вот сейчас он стоит в дивном романтическом месте – а двух нот связать не может. А где-нибудь потом – отзовется и накроет ни с того ни с сего. Так почти всегда и случалось. Нет, конечно, Ивар мог написать что-нибудь в любой момент, – как всякий человек, хоть сколько-нибудь знакомый с гармонией и композицией, он мог придумать вагон, три вагона вполне связной музыки, вполне удобоваримой качественной мелодичной ерунды, – точно так же, как любой поэт всегда в состоянии срифмовать всё что угодно на заданную тему. И не каждый ещё поймет, что получившееся – не поэзия и не музыка.

Утром он отнёс шкуру в хозяйский дом. Ивар, постучавшись, приоткрыл дверь – и тут же почувствовал ставшую уже знакомой атмосферу: пахло только что вынутым из духовки грибным пирогом, и Лили, напевая, нарезала его на куски.

– Привет, – Ивар опустил сложенную шкуру на деревянную лавку. – Спасибо.

– Доброе утро, – заулыбалась в ответ Лили. – Видел, какой шторм?

– Слышал.

– Жаль, в море не выйти. А завтра ты уже уедешь.

– Ну вернись же.

– Да? – хозяйка снова засверкала и снова, словно спохватившись, смутилась и замолчала почти на полуслове. Ивар понял, что Лили хотела спросить, когда он вернётся, но застенялась.

– Вернись, конечно, – повторил он. – Только не скоро, наверное. Я сейчас на чётр знает сколько времени в Америку.

Лили вопросительно взглянула на него.

– Работа?

– Ага, – кивнул Ивар.

В Нью-Йорке собирались ставить его мюзикл, контракт был уже подписан, и его ждала действительно сумасшедшая работа. Впрочем, Ивару это всегда нравилось.

– Ты, – Лили чуть удивленно взмахнула ресницами, – ты боишься, что ли?

– Что?! Ммммм, – смутился он, – Ну вообще-то да. Немного. То есть очень. Я...

– Не объясняй, не надо, – прервала Лили.

Ему действительно было тревожно. Ивар знал, что у него получилась хорошая, нет, отличная музыка, но выйдет ли из отличной музыки удачный спектакль – надо было ещё посмотреть.

– Удачи! – Лили снова улыбнулась.

– Ага. Спасибо, прорвёмся!

Нью-Йорк закрутил не с первого дня, а с первой минуты, с первого шага из самолёта. Ивар работал, казалось, больше часов, чем есть в сутках, то ругаясь с постановщиками, то соглашаясь, по сто раз перекраивал уже написанное, прослушивал кандидатов на роли, снова всё перекраивал и снова то спорил, то соглашался. Любой другой не вынес бы, но ему это нравилось. Ивару вообще нравилось делать то, что никто другой не смог бы. Вот только чувство времени он, казалось, за последние несколько недель совсем потерял.

Звонок телефона словно привёл его в чувство. Прежде чем ответить, Ивар посмотрел на лежавшую в руке трубку. Всё в порядке, рука уже не трясётся. Значит, и с голосом всё будет нормально.

– Ивар? – казалось, он даже расслышал в трубке искристую улыбку. – Прости, пожалуйста. Прости, что я звоню, но... да ты не помнишь... это Лили Юхансен, ну, с рыбацкой базы, с Вестеролена... ты у нас пару раз был...

– Ты шутишь, что ли? – передразнил её Ивар. – Как это не помню? Привет.

Он насторожился: в Нью-Йорке был вечер, значит, на Вестеролене – глубокая ночь.

– Ивар, прости... с тобой всё в порядке?

Машина, уткнувшись в смятое ограждение, мигала аварийкой. Хорошо, что он вырос на горных серпантинах. Ну и американцы молодцы – крепкий отбойник.

– Да, всё нормально.

– Извини, пожалуйста, что я позвонила. Просто... просто... ладно, всё, извини!

Ивар сунул телефон в карман джинсов, ещё раз обошёл машину, скривился. Интересно, какой мелодией рано или поздно обернётся провалившаяся педаль тормоза, пересохшее горло и прилипшая к спине рубашка? А ведь обернётся, он себя знал.

Ну уж нет, вылететь с эстакады накануне премьеры – это было бы слишком.

– У нас всё занято, – отрезал Гуннар. – Август. Пик сезона. Нормальные люди бронируют август за два месяца вперёд.

Трубка запищала резкими короткими гудками.

Ни в какое другое место Ивар не хотел. Он не знал, почему, но именно этот дальний северный архипелаг всегда помогал как-то сладить с усталостью. Ивар порылся в интернете, нашел отель в городе и заказал одноместный номер на пару ночей. На первое время хватит – а там, глядишь, и жильё на любимой рыбацкой базе освободится.

Он прилетел под вечер кривым рейсом с пересадкой, и, едва

кинув вещи в отель, решил всё же наведаться на базу – вдруг что-то изменилось. Мало ли, не приехал кто-то из гостей. Возвращаться, конечно, придётся уже ночью, но и что? Паромов на пути нет, ни под какое расписание подстраиваться не надо.

Дверь в хозяйский дом была приоткрыта, внутри горел свет. Хозяйка, напевая, порхала по комнате с веником, выметая пыль из углов.

– Лили?

– Ивар? – она, как обычно, засверкала улыбкой, которую уже и не пыталась спрятать, и выпрямилась, откидывая с лица тёмные завитки. – Надолго? Сейчас, полминутки, дometу и дам тебе ключи.

– У вас же мест нет, – удивился он. – Вообще-то хотел дней на пять, а то и больше. Обратный билет даже не брал.

– С чего это у нас мест нет? Как раз твой крайний домик свободен. Ну то есть да, он был забронирован, всё было занято, но те гости ещё в прошлом месяце написали, что не приедут, а новых заказов нет. Так я и осталась с пустующим домиком – в августе-то! Гуннар когда-нибудь прибудет меня за то, что я не беру предоплату в разгар сезона, – засмеялась Лили. – Подожди, сейчас бельё достану, не могу развязать верёвку, – она неловко пыталась справиться с узлом негнушейся правой рукой.

– Может, проще разрезать? Нож дать?

– Нож? – Лили подняла голову, заулыбалась, чёрные глаза заблестели. – Сам ты нож... острый-острый, – хозяйка наконец сладила с верёвкой. – Вот, держи.

Пакет с постельным бельём скользнул на стол, сверху Лили бросила ключ.

– У меня вообще-то номер в Анденесе оплачен. А, чёрт бы с ним, – Ивар сгрёб бельё и взял ключ. – За сумкой сейчас вернусь, ладно?

– Помочь?

– Да ну, тут идти полминуты. Сейчас вернусь.

Ивар быстро и не особо старательно застелил кровать. Принёс с улицы вязанку дров, растопил камин – и только потом, вспомнив про сумку, снова направился к хозяйскому дому. Он невольно улыбнулся на пороге: окна светились, дверь была открыта. Лили молча, опустив голову, сидела в старом деревянном кресле – лицом к окну, спиной к входной двери.

– Извини, забыл сразу забрать, – Ивар ждал улыбки в ответ, но хозяйка не шелохнулась. – Лили?

– Она не отзовётся.

Гуннар спокойно шагнул ему навстречу из дальнего угла комнаты.

– Садись, – он пнул ногой стул, пододвигая Ивару, потом снова направился в дальний тёмный угол. Ивар услышал, как открывается ящик шкафа, и через пару мгновений хозяин вернулся к столу, держа в руках пыльную бутылку толстого стекла и две стопки.

– У вас с ней ничего не было, – сказал Гуннар, скорее утверждая, чем спрашивая.

– Конечно, нет.

Ивар подошел к креслу. Крови почти не было, лишь несколько капелек на юбке Лили, да на груди – одно большое пятно, из которого торчала рукоять рыбацкого ножа. Он вспомнил и этот нож, и гравировку на клинке.

Заглянуть Лили в лицо Ивар побоялся.

– Ничего не было, – повторил хозяин. – Ну ещё бы. Лили – гордячка, она никогда не стала бы изменять тайком. Да и тебе она даром не сдалась, правда же? – Гуннар наполнил обе стопки, придвинул одну себе, вторую – Ивару. – Тьфу, тебе ж за руль сейчас. А, ладно, пара стопок не скажется. Эй, ты что, драться со мной собрался? – он в упор глянул на гостя. – Это зря. Тебе со мной не сладить, только покалечу напрасно. А в полицию я и сам сдамся, сейчас спроважу тебя – и сдамся. Пей давай, – Гуннар пододвинул стопку к нему поближе. – Слушай, тут по пути к нам, если свернуть, три разные рыбацкие базы и один кемпинг. Вот какого хрена ты тогда, год назад, проехал мимо них всех и зарулил к нам?

– Не помню.

– Да какая теперь разница, – Гуннар встал, покружил по комнате, не находя себе места, и снова опустился за стол. – Был сентябрь, а сейчас август. Год, почти год. Год я чуть ли не молился, чтобы с тобой ничего не случилось, – потому что если бы вдруг оказалось, что она хоть зачем-то тебе нужна, – она бы кинулась на край света.

Он снова поднялся, подошел к выходу и замер в дверном проёме.

– Я ходил вокруг неё кругами почти два года, она только кривилась и меняла ухажёров. С одним поехала кататься на мотоцикле. Парень – насмерть, Лили отделалась раздробленной рукой и сотрясением. После этого она позволила себя увезти. Мы прожили здесь почти двадцать лет, пока тебя не принесла нелёгкая. Я знал, всё это время знал, что она меня не то что не любит – а еле терпит, – хозяин снова наполнил стопки. – Ты знаешь, что такое любить женщину, которая тебя с трудом терпит? Ты к ней прикасаешься – а она еле сдерживается, чтоб не отшатнуться. Но она полюбила это место и эти несчастные рыбацкие сараи, которые я давно хотел снести к чертовой матери. А тебе она была совершенно не нужна, так ведь? – повторил Гуннар.

– Так. Нет, я знал, что она у меня есть. Но она никогда не давала

понять...

– Потому что она тебя берегла. – Юхансен поднялся, отстранился от стола. – Ладно, всё, катись.

Он дождался, когда Ивар заведет машину, тронется и вырулит на дорогу, и выудил из кармана телефон. В беззвучной ночи голос казался особенно резким.

– Да, я. Гуннар Юхансен. Да, жену, ножом. Рыбацким. Кого, её как зовут? Звали... А то ты не знаешь. Лили Юхансен. Лейлагуль, если полностью, – Гуннар ещё раз, чуть ли не по буквам, повторил полицейскому непривычное для здешних мест имя. – Нет, ну куда я отсюда денусь? Приезжай давай.

Чистое северное небо было изнутри озарено мягким светом, и от этого на нём особенно четко вырисовывались чёрные листья и чёрные ветви деревьев. А над дорогой от столба к столбу тянулись чёрные провода.

Проводов было пять. Пять параллельных линий пересекали небо нотным станом.

Ивар с ходу набросил на этот нотный стан мелодию – она пришла сразу, сама по себе, совсем простая, ясная, горькая. Дорога стелилась навстречу. Ему почему-то вдруг захотелось сделать из этой мелодии фортепианную пьесу, и обязательно – только для левой руки. Почему – Ивар и сам не знал. Захотелось.

Впрочем, он сразу передумал. Тратить такую удивительно красивую тему на простую музыкальную безделушку было просто глупо.